

УДК 811.162.1'42'367.625:398.91(=162.1)

Г. В. Сериков

ВОЗВРАТНЫЕ МОДЕЛИ В СТРУКТУРЕ ПОЛЬСКИХ ПОСЛОВИЦ С МЕТРОРИТМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Статья посвящена организующей роли рифмы и ритма в структуре польских паремий, содержащих возвратные глаголы. Во введении сообщено об особенностях функционирования клитики *się* в польском синтаксисе, назван источник исследования паремий, содержащих возвратную морфему *się*, проанализировано соотношение употребления модели контактной препозиции «*się + V*» в пословицах в сравнении с синтаксическими конструкциями из прозаических текстов. В основной части проанализирована метrorитмическая структура отдельных паремий, исследованы причины удачного закрепления определенных моделей возвратных глаголов в языке природных носителей польского языка в контексте раскрытия мнемонического и орнаментального потенциала паремий; подчеркнута роль силлабического дистиха как наиболее приемлемой двусложной ритмоорганизующей стихотворной формы для создания ритмического рисунка фразы, обусловленного фиксированным ударением в польском языке на предпоследнем слоге. В заключении утверждено, что ни структура возвратных моделей, ни количество возвратных конструкций в паремиях не влияют на их метрическую организацию по причине того разнообразного потенциала лексико-фонетических средств и просодических особенностей, которые присущи польскому языку. Более устойчивыми в устной речи поляков, а также предпочтительными для фиксации в словарях являются те паремии, которые имеют идеальную (или близко к идеальной) метrorитмическую структуру, т.е. которым присущи ритм и рифма. В самой короткой пословице всегда приветствуется рифма, пусть даже неточная или бедная. Рифма в пословицах предпочтительнее ритма, поэтому характерный для них ритмический сбой, или переакцентуация, является естественной характеристикой паремий, возникших и бытующих в повседневной языковой практике народа.

Ключевые слова: возвратные модели, пословица, паремия, контактная препозиция, силлабический дистих, клитика, делимитер, метrorитмический, бивалентный.

Введение. Возвратные глаголы польского языка, как это отмечалось нами ранее, в течение многих веков сохранили свою архаичную структуру, которая включает в себе «энклитическую форму винительного падежа местоимения *się* (← *siebie*), что выражается в ее раздельном (не слитном) от глагола написании и относительно свободной позиции в синтаксических конструкциях» [1, с. 148]. В данной статье исследуются исторические предпосылки стабилизации наиболее распространенных в польском языке возвратных моделей. Материалом для исследования возвратных моделей в отмеченном ракурсе стали те из них, которые закрепились с течением времени в составе пословиц (паремий) и имеют идеальную (или близко к идеальной) метrorитмическую интонационную организацию, положительно влияющую на «ассоциативное восприятие цельного образа» [2, с. 61]. Источником пословиц с возвратной морфемой *się* явился русско-польский и польско-русский словарь пословиц и поговорок Рышарда Стыпулы [3]. Автор сообщает, что «настоящий словарь содержит 7180 пословиц, поговорок, прибауток, сентенций, эпиграмм, ходящих фраз, цитат и выражений пословичного характера» [3, с. 6]. Из общего числа устойчивых конструкций нами выделено 380 пословиц, каждая из которых содержит в своей структуре от одной до четырех клитик *się*, в связи с чем совокупное число возвратных моделей составляет 428 единиц. Более четверти пословиц с *się*, а именно 100, характеризуется наличием разного рода рифмы и ритма. Наиболее распространенной возвратной моделью, реализованной в пословицах, оказалась модель контактной препозиции «*się + V*» (где *V* – глагол, от лат. *verbum*) типа *dobrze samo się chwali* [3, с. 520] – ‘хорошее само себя хвалит’, которая встречается 166 раз, т.е. составляет 38,78 % от общего числа возвратных моделей. Модель же контактной постпозиции «*V + się*», которая является наиболее распространенной в польском разговорном языке, а также

Сериков Григорий Владимирович, канд. филол. наук, доц., доц. каф. довузовской подготовки и профориентации ГГУ им. Франциска Скорины (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: ул. Советская, 98, 246028, г. Гомель, Беларусь; e-mail: gserikov@internet.ru

в прозаических текстах (художественного, публицистического, разговорного жанров, интервью) и характеризуется преобладающей частотностью употребления вообще, в данном случае реализуется лишь в 104 случаях из 428, т.е. в 24,29 %. Для сравнения: в книге Кристины Стрончек «Ришард Капустинский: автопортрет репортера» [4], представляющей собой тематическую выборку текстов интервью, которые дал когда-либо Р. Капустинский, модель контактной постпозиции «V + *się*» отмечается в 63,25 % всех возвратных конструкций. В переводном тексте романа Г. Кановича «Парк евреев» с русского языка на польский переводчицы Б. Шварцман-Чарноты [5] упомянутая модель реализована в 63,51 % случаев. В англо-польском переводе романа Марио Пьюзо «Крестный отец» из-под пера польского переводчика Б. Зелиньского [6] вышло 64,41 % модели «V + *się*» из общего числа возвратных конструкций. По утверждениям польских лингвистов, постпозиция *się* в структуре возвратных глаголов доминирует в спонтанной устной речи поляков и является характеристикой кодифицированной нормы и разговорного стиля, в отличие от препозиционной модели «*się* + V», характеризующейся признаками книжности [7, с. 424; 8, с. 197].

Цель статьи – выявить наиболее распространенные модели возвратных глаголов, входящих в состав польских паремий, доказать организующую роль рифмы и ритма в устойчивости данных моделей в устной речи природных носителей языка.

Объектом исследования является двуязычный – польско-русский и русско-польский – «Словарь пословиц и поговорок» Р. Стыпулы.

Предметом исследования являются польские паремии, представляющие собой рифмующиеся строки шести-... одиннадцатисложного дистиха с вариантными моделями возвратных глаголов в их составе.

Основная часть. Значительное количество пословиц Р. Стыпулы [3] с возвратными глаголами соответствует моделям дистактной препозиции с одним или двумя делимитерами (разделителями): «*się* + n¹ + V» (101 случай, или 23,59 %) типа: *co minęło, już się nie wróci* [3, с. 488] и «*się* + n¹ + n² + V» (28 случаев, или 6,54 %) типа: *nikt się mistrzem nie rodzi* [3, с. 727]. Другие модели представлены немногочисленными примерами («*się* + n¹ + n² + n³ + n⁴ + n⁵ + V» – с большим количеством делимитеров или единичными случаями возвратных вербоидов и причастий), поэтому их процент употребления незначителен. Итак, представим соотношение наиболее распространенных названных моделей в упомянутых источниках более наглядно в сравнительной таблице 1.

Таблица 1– Процентное соотношение наиболее распространенных названных моделей в упомянутых источниках

Источники	% возвратных моделей от общего числа			
	V + <i>się</i>	<i>się</i> + V	<i>się</i> + n ¹ + V	<i>się</i> + n ¹ + n ² + V
Ryszard Kapuściński [4]	63,25	19,07	9,39	2,38
Park niepotrzebnych Żydów [5]	63,51	16,98	6,94	1,90
Ojciec Chrzestny [6]	64,41	19,51	4,88	2,62
Słownik przysłów i powiedzeń [3]	24,29	38,78	23,59	6,54

Как убедительно свидетельствуют цифры, структура пословиц, прочно вошедших в обиход и содержащих возвратные глаголы, несомненно, свидетельствует об их предварительной обработке то ли несколькими поколениями народных неизвестных авторов, то ли составителями словарей, людьми образованными, сознательно заботившимися о фразеологическом наследии родного языка.

По определению В. И. Даля, «пословица – коротенькая притча; сама же она говорит, что «голая речь – не пословица». Это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми» [9, с. 18]. Как известно с детства каждому из нас,

текст, организованный ритмически, запоминается значительно быстрее. Наиболее метко высказанные мысли в виде рифмующихся строк надолго или навсегда остаются в памяти читателя или слушателя, позволяя ему в подходящих случаях многократно передавать их своим собеседникам, умножая таким образом количество носителей оригинальных словесных форм, порождающих яркие образы. Благозвучные ритмичные и рифмованные фразы, пришедшие из произведений литературы, также благополучно приживаются в языке народа. Классическим примером этого является несколько раз повторяющаяся фраза Александра Фредро в его поэме «Zemsta» ('мечь'): *Niech się dzieje wola nieba, z nią się zawsze zgadzać trzeba* [10, с. 18] – 'да совершается воля неба, с ней всегда нужно соглашаться' (= на всё воля божья). Устойчивость фразеологизмов в народной памяти изначально обеспечивалась их глубоким поучительным смыслом вкупе с гармонией звуков. Вообще же, по закону равновесия, в природе всё устойчиво, если гармонично. Исследователь модальных значений пословиц Н. И. Ефремова утверждает, что «наличие в паремиях ритма, рифмы, синтаксического параллелизма позволяет констатировать в них элементы поэтической формы <...> Многие пословицы и поговорки используются с целью украшения речи, что свидетельствует о реализации ими **орнаментальной функции**» [11, с. 13, 14].

Входя в обиход, удачно составленные с точки зрения метроритмической организации польские пословицы, в свою очередь, прочно и надолго закрепляют определенные модели возвратных глаголов в языке природных носителей, а некоторые из этих моделей в составе пословиц занимают даже доминирующие позиции по сравнению с их функционированием в иных речевых ситуациях и жанрово-стилистических условиях.

Итак, указанные модели возвратных глаголов («**się + V**», «**V + się**», «**się + n¹ + V**», «**się + n¹ + n² + V**») органично вписываются в состав паремий, организованных с учетом рифмы и ритма, что сполна реализует их поучительный, мнемонический и орнаментальный потенциал. Наиболее удачно оформленными паремиями в этом отношении представляются нам те, которые можно интерпретировать как:

1. Восьмисложный силлабический дистих с цезурой после 4-го слога (или бесцезурный) с константными ударениями на 3-м и 7-м слогах, который тяготеет к четырехстопному хорею.

1.1. С возвратной моделью «**się + V**»:

Czy się stoi, czy się leży, dwa pątyki się należą [3, с. 508] – 'стоишь или лежишь – две тысячи причитается' (= на работу нам плевать, лишь бы деньги получать), т.е.:

Czy się stoi, czy się leży,

Dwa pątyki się należą,

что соответствует схеме

— — — — — // — — — — —
— — — — — // — — — — —

Аналогичные случаи той же модели:

Jak się bawić, to się bawić, spodnie sprzedać, frak zastawić [3, с. 571] – 'гулять так гулять, фрак заложить, брюки продать' (= гуляй, душа нараспашку), т.е.:

Jak się bawić, to się bawić,

Spodnie sprzedać, frak zastawić.

Wiosna jest to pora [w] roku, gdy się czujesz żwawszy w kroku [3, с. 837] – 'весна – это такая пора года, когда чувствуешь себя бодрее в ходьбе' (= весна и червяка оживит), т.е.:

Wiosna jest to pora [w] roku,

Gdy się czujesz żwawszy w kroku.

Za pieniądze ksiądz się modli, za pieniądze ludzie podli [3, с. 857] – 'за деньги ксендз молится, за деньги люди подлые' (= за деньги и non пляшем), или:

Za pieniądze ksiądz się modli,

Za pieniądze ludzie podli.

1.2. С возвратной моделью «**się + n¹ + V**»:

Z kobietami wielka bieda, lecz bez kobiet żyć się nie da [3, с. 850] – 'с женщинами большая беда, но без женщин жить нельзя' (= худо с бабой, а без бабы и того хуже), т.е.:

Z kobietami wielka bieda,

Lecz bez kobiet żyć się nie da.

Czego Jaś się nie nauczy, tego Jan nie będzie umiał [3, с. 502] – ‘чему Ясь не научится, того Ян не будет уметь’ (= *czego Ваня не научился, того Иван не выучит*), т.е.:

*Czego Jaś się nie nauczy,
Tego Jan nie będzie umiał.*

1.3. С возвратной моделью «**się** + **n¹** + **n²** + **V**»:

Jak się człowiek nie przyłoży, to mu Pan Bóg nie doloży [3, с. 571] – ‘если человек не постарается, то ему Господь Бог не поможет’ (= *na Boga nadzieja, a sam nie plošaj*), т.е.:

*Jak się człowiek nie przyłoży,
To mu Pan Bóg nie doloży.*

1.4. С возвратными моделями «**się** + **V**» & «**się** + **n¹** + **V**» в составе одной пословицы:

Niech się dzieje wola nieba, z nią się zawsze zgadzać trzeba [3, с. 722] – ‘да совершается воля неба, с ней всегда нужно соглашаться’ (= *na всё воля божья*), т.е.:

*Niech się dzieje wola nieba,
Z nią się zawsze zgadzać trzeba.*

1.5. С возвратными моделями «**się** + **n¹** + **n²** + **V**» & «**się** + **n¹** + **n²** + **V**» в составе одной пословицы:

Gdzie się swoje psy kęsają, niech się cudze <obce> nie mieszają [3, с. 543] – ‘где свои собаки кусаются, пусть чужие не мешаются’ (= *swoi собаки gryzутся, чужая не приставай*), т.е.:

*Gdzie się swoje psy kęsają,
Niech się cudze <obce> nie mieszają.*

2. Шестисложный силлабический дистих с цезурой после 4-го слога (или бесцезурный) с константными ударениями на 3-м и 5-м слогах, который тяготеет к трехстопному хорю:

2.1. С возвратной моделью «**się** + **V**»:

Po zgojonej ranie blizna się zostanie [3, с. 749] – ‘после зажившей раны шрам останется’ (= *зажила рана, а всё рубец есть*), т.е.:

*Po zgojonej ranie
Blizna się zostanie.*

— — — — — // — — — — —
— — — — — // — — — — —

2.2. С возвратной моделью «**V** + **się**»:

Do Świętego Ducha trzymaj się kozucha [3, с. 517] – ‘до Святого Духа держись козуха’ (= ‘не снимай шубу’), т.е.:

*Do Świętego Ducha
Trzymaj się kozucha.*

2.3. С возвратной моделью «**się** + **n¹** + **V**»:

Tak się siebie boję, że aż ledwo stoję [3, с. 806] – ‘так тебя боюсь, что едва стою’ (= *я с тоих угроз велик рос*), т.е.:

*Tak się siebie boję,
Że aż ledwo stoję.*

Komu się nie leni, temu się zieleni [3, с. 610] – ‘кто не ленится, тому зеленеется’ (= *где хозяин ходит, там и хлеб родится*), т.е.:

*Komu się nie leni,
Temu się zieleni.*

2.4. С возвратными моделями «**się** + **V**» & «**się** + **n¹** + **V**» в составе одной пословицы:

Co się kupi tanie, psom się to dostanie [3, с. 490] – ‘что дешево купишь, то собакам выбросишь’ (= *дешево, да мило, дешево, да сгнило*), т.е.:

*Co się kupi tanie,
Psom się to dostanie.*

2.5. С возвратными моделями «**się** + **n¹** + **V**» & «**się** + **n¹** + **V**» в составе одной пословицы:

Gdy się człowiek śpieszy, to się diabeł cieszy [3, с. 537] – ‘когда человек спешит, то дьявол радуется’ (= *поспешишь – людей насмешишь*), т.е.:

*Gdy się człowiek śpieszy,
To się diabeł cieszy.*

3. Восьмисложный силлабический дистих с цезурой после 5-го слога (или бесцезурный) с константными ударениями на 4-м и 7-м слогах, который тяготеет к трехстопному дактилю:

3.1. С возвратными моделями «*się + n¹ + n² + V*» & «*się + n¹ + n² + V*» в составе одной пословицы:

Jak się w gromadzie pracuje, bólu się w rępie nie czuje [3, с. 572] – ‘если в коллективе работаешь, боли в пупе не чувствуешь’ (= *дружно – не грузно, а врозь – хоть брось*), т.е.:

*Jak się w gromadzie pracuje,
Bólu się w rępie nie czuje.*

— — — — — // — — — — —
— — — — — // — — — — —

4. Одиннадцатисложный силлабический дистих с двумя цезурами после 4-го и 8-го слогов с константными ударениями на 3-м, 7-м и 11-м слогах, тяготеющий к шестистопному хорее (модель «*się + V*»):

Chcesz się żenić, przyjacielu, to się żeń, ja ci powiem po weselu dobry dzień [3, 474] – ‘хочешь жениться, дружище, – женись, я тебе скажу после свадьбы «добрый день»’ (= ‘*жениться не напасть, да как бы женившись не пропасть*’), т.е.:

*Chcesz się żenić, przyjacielu, to się żeń,
Ja ci powiem po weselu dobry dzień.*

— — — — — // — — — — — // — — — — —
— — — — — // — — — — — // — — — — —

Как показывает фактический материал, наиболее распространенными ритмообразующими стихотворными паттернами в польских пословицах являются шести-, восьми-, одиннадцатисложные силлабические дистихи, тяготеющие к хорее, чему во многом способствует фиксированное ударение в польском языке на предпоследнем слоге. Обратимся к «Краткой литературной энциклопедии»: «Хорей (греч. *χορετος*, букв. – плясовой) <...> это – размер древнерим. нар. песен, сохранивший популярность до поздней античности и перешедший (в силлабо-тонич. видоизменении) в ср.-век. лат. поэзию. Здесь ок. 11 в. он преобразовался в т. н. «вагантский стих» <...> который, в свою очередь, послужил образцом для польского (с 16 в.), а через него – и для русского (с 17 в.) силлабич. *тринадцатисложника*. <...> В силлабо-тонич. стихосложении – стопа длиной в два слога с сильным местом на первом» [12, с. 319].

Приведенные выше в качестве примеров пословицы – идеально рифмующиеся строки дистиха, хотя многие паремии, представляющие собой простые предложения, также обладают ритмом: *Do wesela się zagoi* [3, с. 518] – ‘до свадьбы заживет’; *Dziś się żyje, jutro gnije* [3, 531] – ‘сегодня живешь, завтра гниешь’; *Leżącego się nie bije* [3, с. 651] – ‘лежачего не бьют’; *Mokry deszczu się nie boi* [3, с. 669] – ‘мокрый дождя не боится’. В качестве эксперимента можем составить из данных паремий четверостишия с парной (смежной) и перекрестной рифмой, чтобы убедиться в точном стихотворном размере данных изречений. Обратимся к сравнительной таблице 2.

Таблица 2 – Экспериментальная строфа

Парная рифма (aabb)	Перекрестная рифма (abab)
<i>Dziś się żyje, jutro gnije</i>	<i>Mokry deszczu się nie boi</i>
<i>Leżącego się nie bije</i>	<i>Dziś się żyje, jutro gnije</i>
<i>Do wesela się zagoi</i>	<i>Do wesela się zagoi</i>
<i>Mokry deszczu się nie boi</i>	<i>Leżącego się nie bije</i>

Старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН А. М. Петров, исследующий «метроритмическую организацию поздних русских фольклорных духовных стихов (XIX–XX вв.)» [13, с. 54], утверждает,

что в этих произведениях преобладает «четырёхстопный хорей с чередованием женских и мужских клаузул – Х4жмжм» [13, с. 57]. То есть мы можем предположить, что наиболее распространенным поэтическим размером в устном стихотворном и песенном народном творчестве издревле являлся хорей, который распространялся также и на упорядочение метко высказанных по случаю сентенций. Сравним ритмическую организацию польской пословицы с пушкинскими строками:

Jak się nie ma, co się lubi, to się lubi, co się ma [3, с. 669] – ‘если нет того, что любишь, то любишь то, что есть’. В русском переводе данной поговорки, как видим, ритма нет. В польском же варианте – это силлабический восьмисложник, тяготеющий к четырехстопному хорей (с гипотетической перекрестной рифмой), как и в следующих строках: *Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя* (А. С. Пушкин «Зимний вечер») или: *Снова тучи надо мною собралися в тишине* (А. С. Пушкин «Предчувствие»).

Несмотря на то, что огромное количество пословиц, вышедших из недр устного народного творчества, часто характеризуется бедной и неточной рифмой, однако они по мере возможности упорядочиваются с учетом созвучия слов или их фрагментов то ли в границах одного предложения, то ли как простые предложения в составе сложного в виде дистиха. Краткие меткие изречения во многих случаях также характеризуются хотя бы внутренней рифмой, обеспечивающей более легкое их запоминание. Например: *Ciepło, aż się w nosie skrzepło* [3, с. 481] – ‘тепло, аж в носу застыло’; *Glupi sam się ze skóry lupi* [3, с. 550] – ‘глупый сам из кожи лезет’ (= у недоумка счастье ослиное); *Nie strasz, nie strasz, bo się zesrasz* [3, с. 710] – ‘не страши, не страши, а то обделаешься’ (= не грози, грозилка, береги затылка); *Bydło jadło, a potem się pokładło* [3, с. 471] – ‘быдло ело, потом легло’ (= поел и на бок); *Było, ale się zmydliło <zbyło, zmyło>* [3, с. 471] – ‘было но смылось’ (= было, да сплыло); *Cierp ciało, kiedy ci się chciało* [3, с. 481] – ‘терпи, тело, если тебе хотелось’ (= любишь кататься – люби и саночки возить); *Cierpliwością i pracą ludzie się bogacą* [3, с. 482] – ‘терпением и трудом люди богатеют’ (= терпение и труд богатства дают); *Co się odwlecze <przewlecze>, to nie uciesze* [3, с. 490] – ‘что отложится, то не убежит’ (= отложить не значит отменить); *Co komu przystoi, niech się tym stroi* [3, с. 486] – ‘что кому подходит, пусть в то и наряжается’ (= что кому подобаёт, пусть то и одевает); *Gdzie gnój, tam się nie bój* [3, с. 540] – ‘где навоз, там не бойся’ (= клади навоз густо, в амбаре не будет пусто); *Gdzie wielu gospodarzy, tam nic się nie darzy* [3, с. 544] – ‘где много хозяев, там ничего не родится’ (= много хозяев – мало толку) и мн. др.

Похоже, что рифма в пословицах часто предпочтительнее, чем ритм, поэтому во многих случаях в них встречается переакцентуация, т.е. ритмические перебои, причины которых А. М. Петров объясняет следующим образом: «В условиях устного бытования, а также несовершенной техники стихосложения многие строки имеют дефектный характер: часть слов может быть потеряна, отдельные слова оборваны, ритм сбит» [13, с. 58]. Обратимся к соответствующим примерам:

Kiedy się za broną kurzy, będzie urodzaj duży [3, с. 603] – ‘когда за бороной пылится, будет большой урожай’ (= пыль за бороной столбом – будет полный заком), что соответствует разностопной схеме:

*Kiedy się za broną kurzy,
Będzie urodzaj duży.*

Nie ma gorszego tyrana, kiedy się chłop dostanie na pana [3, с. 699] – ‘нет хуже тирана, чем мужик, ставший паном’ (= не дай Бог свинье рога, а мужику барство):

*Nie ma gorszego tyrana,
Kiedy się chłop dostanie na pana.*

Также очевидно, что в пословице *Kogo się nieszczęście imie, ten sobie nos ucierając palec w uwinie* [3, с. 609] – ‘кого несчастье настигнет, тот, утирая себе нос, вывихнет палец’ (= много и того, как два на одного) после клаузулы, обозначенной «запятой», ощущается излишнее количество слогов, что сбивает ритм и размер. Переакцентуация обуславливается также вариантноностью пословиц. Автор избранного нами словаря [3] учитывает возможные (знакомые ему) варианты: *Grosz do grosza, będzie <kupi się> kokosza* [3, с. 555]; *Pies szczeka, [a]*

wiatr niesie, [rozejdzie się <rozleci się to> po lesie] [3, с. 744]; *Róbmь rząd, chodźmy <zabierajmy się> stąd* [3, с. 777]; *Żeby cię [pieczono i] smażono w smole, nie powiadaj, co się dzieje w szkole* [3, с. 873]. В подобных случаях, несмотря на наличие рифмы (*grosza – kokosza, niesie – lesie, rząd – stąd, smole – szkole*), ритмический рисунок идентичных по смыслу паремий отличается из-за количества слогов вводимых слов-вариантов. Пользователь, как правило, выбирает свой вариант для запоминания, сообразуясь с личным вкусом, а в дальнейшем, возможно, вносит свои изменения, следуя закону благозвучия. Как справедливо отмечает В. Т. Бондаренко, «варьирование (вариантность, вариабельность, вариативность) есть одно из важных и неизменных атрибутов языковых единиц. Ни одни единицы языка не являются созданными раз и навсегда. Это относится к пословицам и поговоркам, для которых вариантность – это естественное и необходимое свойство, обеспечивающее способ их существования в языке и функционирование в речи» [14, с. 89]. Более того, добавим здесь еще и ту мысль, что ни один автор «самого полного» словаря пословиц и поговорок не в силах учесть и зафиксировать их абсолютно все по причине невозможности подслушать в одночасье всё их неизмеримо богатое множество, рождающееся непрерывно из уст народа и угасающее без сожаления, как падающие, никем не подобранные звезды. Профессор Е. В. Ничипорчик говорит об этом так: «Паремиологическая картина мира в сознании конкретного человека <...> не является полной, отдельные ее фрагменты как бы закрыты от носителя языка, но любая услышанная человеком первый раз паремия с очень большой долей вероятности будет воспринята им как единица, имеющая статус паремии, и соотнесена с тем фрагментом паремиологической картины мира, в котором ей надлежит быть» [15, с. 26].

Относительно метроритмической организации старинных русских пословиц высказался поэт, переводчик и журналист XVIII–XIX вв. И. Ф. Богданович, живший и творивший при Екатерине II (передадим его мысль современной графикой, заменяя «ять» на «е» и опуская «еры»): «Излишне, кажется, доказывать пользу народных пословиц. Известно, что многие из них, до введения письмен, служили изустным законом преданием. Народный разум, в последствии, распространил их на все части благонравия и благоповедения. Иные сочинены по образу наставлений, другие по образу сказаний <...> В первобытном их речении, как можно видеть, все они составлены были правильными стихами: ямбом, хореем или дактилем, то есть: двусложною или трисложною стопою, хотя не везде снабжены богатыми рифмами» [16, с. 377].

О традиции дальнейшей сознательной обработки перлов народной мысли образованными авторами также свидетельствует упомянутый нами И. Ф. Богданович: «После отца моего мне досталась весьма старинная книга с русскими пословицами, таковыми, как они могли быть в их первобытном состоянии. Некоторые только требовали, для стихотворной меры, малого дополнения, без перемены их содержания и силы; иные же требовали только заглавного означения, в каком смысле они употребляются. Я разделил их, по разности содержаний, приличным образом на разные главы и отделения, помещая как самые простейшие, для простонародного употребления, так и новых времен пословицы, какие через десять лет мог я собрать от моих единосемцев. Ласкаюсь, что нация увидит с благоволением изданное в печать собственное свое сочинение» [16, с. 378]. Опираясь на это признание И. Ф. Богдановича, можно утверждать, что надежная прописка метких поучительных высказываний в общенациональном языке любого народа во многом обуславливается их сознательной акустической гармонизацией посредством рифмы и ритма людьми образованными с целью облечения ценной житейской мудрости в наиболее совершенную «консервирующую» ее оболочку – в ритмическую строку или дистих. Сравним некоторые пословицы, приведенные императрицей Екатериной II (1729–1796) в своих «Сочинениях» с их литературно обработанными вариантами ее современником – русским поэтом, переводчиком и журналистом – И. Ф. Богдановичем (1743–1803), обратившись к сравнительной таблице 3.

Таблица 3 – Сознательное редактирование

Пословицы из «Сочинений» Екатерины II, изд. 1849 г.	Пословицы из «Сочинений» И. Ф. Богдановича, изд. 1848 г.
<i>Догадка лучше разума</i> [17, с. 252]	<i>Догадка знания мудрее, А в свете жить уметь и всех наук хитрее</i> [16, с. 572]
<i>Милость хранитель государства</i> [17, с. 255]	<i>Милость прилична для барства, И милость хранит государства</i> [16, с. 396]
<i>Пути до тех пор, пока краска в лице не войдет</i> [17, с. 257]	<i>Пути-скать, поколе-де шутка идет, И поколе-де краска в лице не войдет</i> [16, с. 396]
<i>На правду слов немного</i> [17, с. 255]	<i>На правду слов не много, Лишь делай правду строго</i> [16, с. 479]
<i>Чужой дурак смех, а свой стыд</i> [17, с. 257]	<i>Чужой дурак де смех, А свой-скать стыд и грех</i> [16, с. 524]

Устойчивость той или иной возвратной модели поддерживается самыми различными способами. Например, модель «V + się» закрепляется в следующих пословицах благодаря точным или близким по звучанию повторам глаголов (тавтологией) в структуре пословицы:

*zakochać się – odkochać się: **Zakochać się** łatwo, **odkochać się** trudniej* [3, с. 858] – ‘влюбиться легко, разлюбить труднее’ (= *влюбиться легко – разлюбить труднее*);

*zastawić się – postawić się: **Zastaw się**, a **postaw się*** [3, с. 860] – ‘заложись, но покажись’ (= *хоть всё заложи, а себя покажи*).

Модель «**się + V**» также утверждается благодаря точной или приблизительной тавтологии:

*bawić się – bawić się: **jak się bawić, to się bawić*** [spodnie sprzedać, *frak zastawić*] [3, с. 571] – ‘гулять так гулять’ (= *гуляй, душа*);

*ożenić się – odżenić się: **Łatwiej się ożenić, jak odżenić*** [3, с. 656] – ‘легче жениться, чем отжениться’ (= *легче жениться, чем развестись*).

В последнем случае отмечается также и бивалентность клитики *się*, которая обслуживает два глагола. В подобных случаях тавтология не является стилистическим недостатком пословиц, поскольку их практическая ценность и дидактическая направленность (утилитарная роль) гораздо важнее художественной обработки. А это значит, что повторяемость модели обуславливается спонтанным ритмичным высказыванием тождественных конструкций.

Закреплению в устной речи модели «**się + V**» способствует синтаксическая структура пословицы, соответствующая сложному предложению, наличие клаузулы между ее составными частями, а также структурное отзеркаливание модели «**się + V**» первой части сложного предложения во второй его части, что характерно для спонтанного высказывания, обнаруживающего инертность, порождающую речевые штампы: *Jak się da, to się zrobi* [3, с. 571] – ‘если удастся, то сделается’ (= *карман сух – и поп глух*); *Jednemu się zmiele, drugiemu się skrupi* [3, с. 586] – ‘на одного поругаются, а другому влетит’ (= *в чужом пиру похмелье*); *Kto się chwali, ten się gani* [3, с. 631] – ‘кто себя хвалит, тот себя порицает’ (= *хвастливое слово гнило*); *Kto się klóci, ten się kocha* [3, с. 632] – ‘кто дерется, тот любится’ (= *милые бранятся – только мешатся*); *Sucha gałąź prędzej się złamie, niżeli się zegnje* [3, с. 793] – ‘сухая ветка скорее сломается, чем согнется’ (= *сухой сук скорее треснет, нежели согнется*); *Ten się śmieje, kto się przeje* [3, с. 809] – смеется тот, кто смеется последний; *Uroda się opatrzy, kochanie się przeje* [3, с. 822] – и красота приглядится, и любовь приестся.

Устойчивость же в языке модели «**się + n¹ + V**», в отличие от рассмотренных выше, обуславливается характером делимитера (**n¹**), каким изначально являлась (судя по частотности употребления в синтаксических конструкциях) отрицательная частица *nie* ‘нет’. Из 101 выявленной пословицы с данной возвратной моделью *nie* в качестве делимитера выступает в 56-ти случаях (т.е. в 55,44 %). Данный делимитер односложный, и поэтому наиболее частотный в структуре модели «**się + n¹ + V**». Изначальность, древность делимитера *nie*,

а не какого-либо иного, в составе данной модели можно допустить по причине того, что в большинстве высказываний, оформленных простыми предложениями, как правило, либо что-то утверждается, либо что-то отрицается, констатируется либо наличие («+»), либо отсутствие («-»). Исходя из значительного количества примеров, модели «**się + n¹ + V**», а именно ее разновидности «**się + nie + V**» в пословицах можно утверждать, что данная модель сформировалась именно из-за первичной локализации в ней частицы **nie**. Это пословицы типа: *Bez kary dziecko się nie wychowa* [3, с. 459] – ‘без наказания дитя не воспитывается’ (= *без строгости и ценки не вырастишь*); *Brzuch słowami się nie nakarmi* [3, с. 469] – *живот словами не накормишь*; *Co było, już się nie wróci* [3, с. 483] – ‘что было, уже не вернешь’ (= *прошлого не воротишь*); *Grunt się nie przejmować* [3, с. 556] – ‘главное – не волноваться’ (= *главное дело – не волноваться*); *Na cudzej łące koń się nie wypasie* [3, с. 674] – ‘на чужом лугу коня не выпасешь’ (= *на чужих щах не разъеешь*); *Na głupiej głowie i włos się nie utrzyma* [3, с. 675] – *на глупой голове и волос не удержится*; *Słowami się nie najesz* [3, с. 785] – ‘словами не наешься’ (= *соловья баснями не кормят*); *Szczęścia się nie kupi* [3, с. 796] – ‘счастья не купишь’ (= *счастье не птица: в силки не поймаешь*); *Ten się nie myli, kto nic nie robi* [3, с. 809] – *тот не ошибается, кто ничего не делает*; *Węchem się nie najesz* [3, с. 831] – ‘запахом не наешься’ (= *перед смертью не надышишься*); *Z armatą na wróble się nie wybiera* [3, с. 847] – ‘с пушкой на воробьев не выбирают’ (= *из пушки по воробьям не стреляют*); *Za „dziękuję” nic się nie kupuje* [3, с. 855] – *за «спасибо» ничего не купишь*; *Zdechłego lwa i zające się nie boją* [3, с. 861] – ‘мертвого льва и зайцы не боятся’ (= *дохлого льва и зайцы не боятся*); *Zwycięzców się nie sądzi* [3, с. 871] – *победителей не судят* и мн. др.

Для сравнения частотности проявления **nie** в качестве делимитра в модели «**się + n¹ + V**» целесообразно привести статистические данные из некоторых упомянутых выше текстов. В книге Кристины Стрончек [4] из 41 модели «**się + n¹ + V**» в 10 случаях, т.е. в 24,39 % делимитером оказывается частица **nie**: *proszę się nie dziwić* [4, с.14]; *nędza się nie buntuje* [4, с. 23]; *ci ludzie nigdy się nie zbuntują* [4, с. 24]; *kto mówi, że się nie boi, kłamie* [4, с. 34]; *tak się nie da pracować* [4, с. 56]; *bo nic mi się nie stanie* [4, с. 57]; *do niczego tam się nie przyda* [4, с. 58]; *[opisać] epicko się nie da* [4, с. 88]; *o których świat się nie dowie* [4, с. 110]; *z dziennikarstwem nikomu się nie kojarzy* [4, с. 123].

В языке Б. Шварцман-Чарноты (переводчика «Парка евреев» Г. Кановича) аналогичные соотношения следующие: из 136 эпизодов с дистактной препозицией «**się + n¹ + V**» в качестве делимитера частица **nie** выступает в 107-ми случаях, т.е. в 78,67 %: *na nich się nie gniewa* [5, с. 292]; *niebo się nie zawałilo* [5, с. 292, 293]; *nawet mu się nie śniło* [5, с. 294]; *świat się nie kończy* [5, с. 299]; *gdzie się tak spieszysz* [5, с. 302]; *nic się nie działo* [5, с. 305, 306]; *nic się nie zmieni* [5, с. 314] и мн. др.

В языке Б. Зелиньского (переводчика «Крестного отца» М. Пьюзо) : из 173 эпизодов той же модели в качестве делимитера частица **nie** выступает в 84-х случаях, т.е. в 48,55 %: *ale tak się nie stało* [6, с. 18]; *dopóki się nie ożenił* [6, с. 26]; *nikomu się nie śniło* [6, с. 35]; *wcale się nie przejmował* [6, с. 58]; *niech pan się nie boi* [6, с. 79]; *nikt się nie odezwał* [1, с. 83]; *teraz się nie martwię* [6, с. 99]; *nigdy by się nie poważyl* [6, с. 86]; *żebyś mi się nie podobał* [6, с. 168] и мн. др.

Нетрудно заметить, что даже в приведенных прозаических отрывках модель «**się + n¹ + V**» является в некотором смысле ритмоорганизующей, для нее характерна нисходящая интонация, как раз начинающаяся с **się**.

Устойчивость в пословицах модели «**się + n¹ + n² + V**» объясняется их поэтической обработкой в устном народном творчестве, а возможно, и авторами словарей. При помощи удачной расстановки слов (в том числе и тех, которые являются делимитерами) с учетом синтагматического и интонационного рисунка фразы, из 28-ми пословиц данной модели 13 обладают рифмой и ритмом: *Chociaż się kara powoli wlecze, zbrodnia przed nią nie uciecze* [3, с. 477] – *Бог долго терпит, да больно бьет*; *Ciepło, aż się w nosie skrzepło* [3, с. 481] – *тепло – из глаз потекло*; *Gdzie się swoje psy kąsają, niech się cudze <obce> nie mieszają* [3, с. 543] – *свои собаки грызутся – чужая не приставай*; *Głupi sam się ze skóry łupi* [3, с. 550] – *у недоумка счастье ослиное*; *Jak się w gromadzie pracuje, bólu się w pępie nie czuje* [3, с. 572] – *дружно – не грузно, а врозь – хоть брось*; *Jeszcze się ten <taki> nie urodził, który <co> by wszystkim dogodził*

[3, 589] – *na всех не угодишь*; *Kiedy się za broną kurzy, będzie urodzaj duży* [3, с. 603] – *пыль за бороной столбом – будет полный заком*; *Kto daje i odbiera, ten się w piekle poniewiera* [3, с. 620] – *дареного не требуют обратно*; *Kto się po świecie włóczy, wiele się rozumu nauczy* [3, с. 633] – *чужая сторона прибавит и ума*; *Kto się w czepku urodzi, temu szczęście samo wchodzi* [3, с. 633] – *хорошо тому жить, кому бабушка ворожит*; *Mądry głupiemu [zawsze] ustępuje [a głupi się z tego raduje]* [3, с. 663] – *умный глупому устунаем*; *Nic tam w smak nie bywa, gdzie się bez towarzystwa zażywa* [3, с. 688] – *водке – рюмка, пиву – стакан, а столу – веселая компания*; *Znać po twarzy, co się w głowie warzy* [3, с. 868] – *что в сердце варится, на лице не утаится*.

Заключение. Раздельное написание клитики *się* с глаголами содействует введению (удачному появлению в спонтанной речи) нужного количества делимитеров между глаголом и *się*, что позволяет регулировать равномерно чередующиеся ударные (долгие) и безударные (короткие) слоги как в отдельных фразеологизмах, так и в пословицах, построенных с учетом ритма.

Наличие препозиционных контактных и дистактных моделей возвратных глаголов (типа «*się + V*», «*się + n¹ + V*» и под.) в составе пословиц свидетельствует об их предварительной ритмометрической обработке носителями языка (в том числе и мастерами слова – писателями, лексикографами и т.д.) с целью придания паремиям благозвучности и облегчения их запоминания. Модель контактной препозиции «*się + V*», традиционно квалифицируемая как книжная, преобладает в структуре пословиц, в отличие от синтаксических конструкций, извлеченных из прозаических – художественных и публицистических – текстов, где традиционно доминирует модель «*V + się*».

Ни архитектура возвратных моделей, ни количество возвратных глаголов в структуре пословиц не влияют на разновидность метрической организации в силу богатых возможностей языковой основы ритма, т.е. того потенциала лексико-фонетических средств и просодических особенностей, которыми располагает польский язык.

Наиболее устойчивыми в устной речи носителей языка, а также предпочтительными для фиксации в словарях являются те пословицы, которые имеют идеальную (или с незначительной переакцентуацией) метроритмическую структуру, т.е. характеризуются наличием ритма и рифмы. В самой короткой пословице, наряду с ее поучительным смыслом, всегда приветствуется рифма, пусть даже неточная и/или бедная.

Закрепление моделей возвратных глаголов в структуре пословиц содействует их фиксации в ежедневной разговорной практике носителей языка (взаимное влияние устной речи на письменную и наоборот). В качестве наиболее удобной стихотворной формы, позволяющей стабилизировать структуру польских пословиц, издревле употреблялись многосложные силлабические дистихи, тяготеющие к хорее, что во многом обуславливалось постоянным ударением в польском языке, приходящимся на предпоследний слог.

Благодаря фиксированному ударению в польском языке и возможности употребления одного или нескольких делимитеров между глаголом и клиткой *się*, ритм бывает присущ не только паремиям, но и многим отдельным фразеологизмам, вплетенным в структуру предложений прозаического текста, например: *pośliznęła mi się noga* ‘я поскользнулся’; *przewróciło mi się w głowie* ‘перевернулось у него в голове’; *nie rzuciło mi się w oczy* ‘мне не бросилось в глаза’ [18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сериков, Г. В. Категория возвратности в польском языке / Г. В. Сериков // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Гуманитарные науки: история, филология, философия, 2022. – № 1 (130). – С. 148–153.
2. Ивченко, В. И. Лингвостилистика тропов Юрия Казакова / В. И. Ивченко. – Минск : Пачатковая школа, 2002. – 112 с.
3. Stypuła, R. Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski, polsko-rosyjski / R. Stypuła. – Warszawa : Wiedza powszechna, 2003. – 999 s.
4. Strączek, K. Ryszard Kapuściński : autoportret reportera / K. Strączek. – Kraków : Znak, 2003. – 145 s.
5. Kanowicz, G. Park niepotrzebnych Żydów / G. Kanowicz ; z ros. B. Szwarzman-Czarnota. – Sejny : Pogranicze, 2005. – 325 s.
6. Puzo, M. Ojciec Chrzestny / M. Puzo ; z angiel. B. Zieliński. – Warszawa : Albatros, 2017. – 479 s.

7. Klemensiewicz, Z. Historia języka polskiego / Z. Klemensiewicz. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1980. – 796 s.
8. Język polski : encyklopedia w tabelach / pod red. W. Mizerskiego. – Warszawa : Adamant, 2000. – 511 s.
9. Даль, В. И. Пословицы русского народа : сборник / В. И. Даль ; предисл. М. Шолохова. – М. : Госиздат, 1957. – 991 с.
10. Fredro, A. Zemsta / A. Fredro. – Warszawa : Orkla Press Polska, 2005. – 115 s.
11. Ефремова, Н. И. Модальные значения паремий / Н. И. Ефремова // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 1 (70). – С. 13–18.
12. Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков ; ред. кол.: Х. Ш. Абдусаматов, А. А. Анникст [и др.]. – М. : Советская энциклопедия, 1975. – Т. 8 : Флобер–Яшпал. – 1135 с.
13. Петров, А. М. Четырехстопный хорей в русских фольклорных духовных стихах поздней традиции: некоторые вопросы метрики и ритмики / А. М. Петров // Вопросы языкознания. – 2022. – № 3. – С. 54–74.
14. Бондаренко, В. Т. О варьировании пословично-поговорочных выражений в речи / В. Т. Бондаренко // Русский язык в школе. – 2009. – № 5. – С. 88–92.
15. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е. В. Ничипорчик ; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
16. Сочинения Богдановича : в 2 т. / И. Ф. Богданович. – Санкт-Петербург : Издание Александра Смирдина, 1848. – Т. 1. – [4], VI, 579 с. – (Полное собрание сочинений русских авторов).
17. Сочинения императрицы Екатерины II : в 3 т. / Екатерина II. – Санкт-Петербург : Издание Александра Смирдина, 1849–1850. – Т. 1. – 666, II с. – (Полное собрание сочинений русских авторов).
18. Bąba, S. Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny / S. Bąba, Jarosław Liberek ; red. : L. Drabik [i in.]. – Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 2003. – 1096 s.

Поступила в редакцию 26.10.2022.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3.
Philology. Pedagogy. Psychology”
Vol. 13, No. 1, 2023, pp. 31–42
© Yanka Kupala State University of Grodno, 2023

Reflexive models in the structure of Polish proverbs with metre-rhythmic organization

G.V. Serikov

Francisk Skorina Gomel State University (Belarus)
Sovetskaya St., 98, 246028, Gomel, Belarus; e-mail: gserikov@internet.ru

Abstract. The article studies the role of rhythm and rhyme in the structure of Polish proverbs, which contain reflexive verbs. The introduction highlights the specifics of the functioning of the clitic ‘się’ in Polish syntax; the sources for the research of the proverbs that contain the reflexive morpheme się are quoted; the ratio between the use of the contact preposition model “się + V” in proverbs is analyzed in comparison with similar syntactic constructions from prose fiction. In the main part, attention is given to the metre-rhythmic structure of individual proverbs; the causes are investigated for the successful consolidation of certain models of reflexive verbs in the language of the native Polish speakers in the contexts that reveal the mnemonic and ornamental potential of proverbs; the role of syllabic dimeter is emphasized as the most acceptable two-syllable poetic form for organizing a rhythmic pattern of a phrase, due to the fixed stress on the penultimate syllable in the Polish language. In the conclusion, it is argued that neither the structure of reflexive patterns, nor the number of reflexive constructions in proverbs affect their metrical organization due to the diverse potential of lexico-phonetic means and prosodic features that are inherent in the Polish language. Those proverbs that have an ideal (or close to ideal) metre-rhythmic structure, i.e. which possess both rhythm and rhyme are more often put into dictionaries and are also more stable in the oral speech of the Poles. Even in the shortest of proverbs some kind of rhyme is always appreciated, even an imperfect or lazy one. Rhyme in proverbs is preferable to rhythm, therefore, rhythmic failure (stress change) is a common feature, a natural characteristic of proverbs that have arisen and exist in the everyday communication of the people.

Keywords: reflexive models, proverb, paroemia, contact preposition, syllabic dimeter, clitic, delimiter, metre-rhythmic, bivalent.

References

1. Serikov G. V. The category of recurrence in the Polish language [*Kategoriai vozvratnosti v pol'skom iazyke*]. *Proceedings of Francisk Skorina Gomel State University. Humanities: history, philology, philosophy*, 2022, No. 1 (130), pp. 148–153.

2. Ivchenkov V. I. Linguistic stylistics of the paths of Yuri Kazakov [*Lingvostilistika tropov Iurii Kazakova*]. Minsk, 2002, 112 p.
3. Stypuła R. Dictionary of proverbs and sayings Russian-Polish and Polish-Russian [*Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski, polsko-rosyjski*]. Warsaw, 2003, 999 p.
4. Strączek K. Ryszard Kapuściński: a self-portrait of a reporter [*Ryszard Kapuściński: autoportret reportera*]. Krakow, 2003, 145 p.
5. Kanowicz G. Park of forgotten Jews [*Park niepotrzebnych Żydów*]; transl. from Rus. by B. Szwarzman-Czarnota. Sejny, 2005, 325 p.
6. Puzo M. The Godfather [*Ojciec Chrzestny*]; transl. from Eng. by B. Zielinski. Warsaw, 2017, 479 p.
7. Klemensiewicz Z. History of the Polish language [*Historia języka polskiego*]. Warsaw, 1980, 796 p.
8. Polish language: encyclopedia in tables [*Język polski : encyklopedia w tabelach*]; Ed.: W. Mizerski. Warsaw, 2000, 511 p.
9. Dal V. I. Proverbs of the Russian people : collection [*Poslovitsy russkogo naroda : sbornik*]. Moscow, 1957, 991 p.
10. Fredro A. Revenge [*Zemsta*]. Warsaw, 2005, 115 p.
11. Efremova N. I. Modal meanings of proverbs [*Modal'nye znacheniiia paremii*]. *Proceedings of Francisk Scorina Gomel State University. Ser.: Humanities*, 2012, No. 1 (70), pp. 13-18.
12. Brief literary encyclopedia [*Kratkaia literaturnaia entsiklopediia*]; ch. Ed.: A. A. Surkov; ed. board: Kh. Sh. Abdusamatov, A. A. Annikst [et al.]. Moscow, 1975, vol. 8 : Flaubert-Yashpal, 1135 p.
13. Petrov A. M. Trochaic tetrameter in Russian folk spiritual verses of late tradition: some issues of metrics and rhythmicity [*Chetyrekhstopnyi khorei v russkikh fol'klornykh dukhovnykh stikhakh pozdnei traditsii: nekotorye voprosy metriki i ritmiki*]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, No. 3, pp. 54-74.
14. Bondarenko V. T. On the variation of proverbial expressions in speech [*O var'irovanii poslovichno-pogovorochnykh vyrazhenii v rechi*]. *Russian language at school*, 2009, No. 5, pp. 88-92.
15. Nichiporchik E. V. Reflection of value orientations in proverbs [*Otrazhenie tsennostnykh orientatsii v paremiakh*]. Gomel, 2015, 358 p.
16. Bogdanovich I. F. Works of Bogdanovich : in 2 vols. [*Sochineniia Bogdanovicha : v 2 t.*]. Vol. 1. St. Petersburg, 1848, [4], VI, 579 p. (Complete Works of Russian Authors).
17. Catherine II. Works of Empress Catherine II : in 3 vols. [*Sochineniia imperatritsy Ekateriny II : v 3 t.*]. Vol. 1. St. Petersburg, 1849-1850, 666, II p. (Complete Works of Russian Authors).
18. Bąba S., Liberek J. A phraseological dictionary of contemporary Polish [*Słownik frazeologiczny współczesnej polszczyzny*]; Eds.: L. Drabik [et al.]. Warsaw, 2003, 1096 p.

Уважаемые авторы!

Более подробно требования к оформлению материалов, а также условия для принятия материалов см. на сайте журнала

HTTP://VESNIK.GRSU.BY